

**ОБРАЗ ТРУДНОРАЗРЕШИМОГО МЕЖГРУППОВОГО КОНФЛИКТА В
РОССИЙСКИХ СМИ**

DOI: 10.25629/НС.2018.07.09

ПОТАНИНА А.М.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Москва

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования образа трудноразрешимого межгруппового конфликта в дискурсе российских СМИ 2014-2017 годов. В начале статьи рассматриваются определение и характеристики феномена трудноразрешимого конфликта. Анализируются направления в изучении трудноразрешимого конфликта: американское и израильское. В рамках американского направления рассматриваются пять подходов изучения и работы с трудноразрешимыми конфликтами: реалистический, подход «человеческих отношений», патологический, конструкционистский (постмодернистский), системный. Израильское направление анализируется через выделяемые представителями подхода области исследования феномена: изучение этоса конфликта, коллективной памяти о конфликте, коллективных эмоций. В качестве методологических оснований данного исследования приводятся идеи конструкционистского подхода. Целью исследования являлся анализ способов конструирования образа трудноразрешимого конфликта в дискурсе российских СМИ через обращение к темам этоса конфликта. В результате исследования было выявлено, что образ трудноразрешимого конфликта в российских СМИ конструируется путем обращения к темам делегитимизации группы-участника конфликта, виктимизации группы-участника конфликта, а также поддержания положительного образа и легитимизации действий группы-участника конфликта. Кроме того, были выявлены различные дискурсивные позиции по отношению к конфликту. В заключении делается вывод о перспективах дальнейших исследований данной проблематики.

Ключевые слова: межгрупповой конфликт, трудноразрешимый конфликт, образ конфликта, этос конфликта, коллективная память о конфликте, коллективные эмоции, дискурс СМИ.

Введение

Психология конфликта в данный момент является весьма актуальной и активно развивающейся областью современной социальной психологии [2]. Среди последних трендов одним из наиболее выделяющихся направлений стало изучение трудноразрешимых конфликтов и сопровождающей их психологической феноменологии [11,12]. В особенности внимание исследователей привлекает процесс конструирования образа трудноразрешимого конфликта и те психологические структуры, что определяют течение, восприятие и переживание конфликтной ситуации [2,3,6]. Однако на сегодняшний момент существует довольно небольшое количество отечественных работ в данной области. Представляемая работа является попыткой построения исследования, интегрирующего разработки направления изучения трудноразрешимого конфликта.

Краткий анализ литературы

На данный момент не существует общепринятого определения трудноразрешимого конфликта, поэтому чаще всего исследователи определяют его через характеристики, предложенные израильским исследователем Дэниэлем Бар-Талем. Бар-Таль выделяет ряд таких характеристик: трудноразрешимый конфликт сопровождается физическим насилием; требует значительных материальных и психологических ресурсов; является длительным, затяжным; занимает центральное положение в общественных дискуссиях и медиа-дискурсе; воспринимается как затрагивающий основные потребности и ценности групп-оппонентов; воспринимается ими, что очень важно, как неразрешимый [8].

В рамках традиции изучения трудноразрешимых конфликтов можно выделить два крупных подхода: американский и израильский. Американские психологи в большей степени методологически ориентированы, и предлагают осмысление феномена трудноразрешимого конфликта через выделение пяти так называемых «парадигм исследования»: реалистической, «человеческих отношений», патологической, конструкционистской и системной [11,12]. Каждая из этих парадигм рассматривает трудноразрешимый конфликт через призму определенной метафоры.

Реалистический подход, основывающийся на метафоре борьбы, определяет трудноразрешимый конфликт как реальный конфликт интересов. По мнению представителей данного подхода, конфликт между группами возникает под воздействием ситуации, при наличии несовместимых целей и нехватки ресурсов для их достижения [4,11]. Подход «человеческих отношений» основывается на метафоре переговоров и рассматривает в трудноразрешимом конфликте процессы восприятия и социального взаимодействия. В рамках данного подхода особое внимание уделяется таким способам разрешения конфликта как переговоры, медиация, конструктивные дискуссии, построение альтернативных моделей урегулирования разногласий [11,17,23]. Патологический подход использует метафору болезни и рассматривает конфликт как патологию общества, нуждающуюся в лечении. Этот подход менее популярен, чем вышеупомянутые реалистический и подход «человеческих отношений», однако он используется различными неправительственными организациями, работающими в условиях затяжного конфликта. В качестве преимуществ моделей, включенных в описываемую парадигму, выделяются возможности быстрой диагностики и сдерживания таких проявлений конфликта, как высокие уровни напряженности и насилия, неосознанные деструктивные мотивы, возможность перенаправлять в другое русло негативные разрушительные эмоции [11,24]. Конструкционистский (постмодернистский) подход рассматривает трудноразрешимый конфликт через метафору истории. Конфликт видится исследователями как некоторый нарратив, существующий в общественном дискурсе и задающий контекст интерпретации событий, а также конструирования значений, ценностей и смыслов [11]. Системный подход определяет трудноразрешимый конфликт через метафору живой клетки и рассматривает данный феномен как сущность, состоящую из взаимосвязанных элементов. Конфликт понимается как деструктивная модель социальной системы, порождаемая взаимодействием на разных уровнях множества враждебных по отношению друг к другу элементов. Изменения такой системы, по мнению сторонников данного подхода, возможны только при трансформациях глубинных уровней, затрагивающих саму структуру системы [11,22].

Израильские исследователи осмысливают трудноразрешимый конфликт как сложный феномен, определяющий возникновение целого ряда психологических явлений. Наибольшее внимание в подходе уделено изучению так называемой социально-психологической инфраструктуры, определяющей восприятие и переживание конфликтной ситуации [3]. Инфраструктура, с точки зрения израильских исследователей, является продуктом устойчивого конфликтного контекста, сопровождающего и определяющего жизнь участников конфликта [8]. Инфраструктура включает в себя этос конфликта, коллективную память о конфликте и коллективные эмоции [7,8].

Этос конфликта является наименее разработанным и наиболее противоречивым концептом данной модели. Он может быть определен как некая доминирующая ориентация общества, вовлеченного в конфликт; как конфигурация социальных убеждений о конфликтной ситуации; как мета-идеология, задающая рамку социальных дискуссий; наконец, как некоторые элементы образа конфликта, в частности образы сторон конфликта, являющиеся «зеркальными» [8,9,10,19]. Наиболее разработанным и операционализированным является понимание этоса конфликта как социальных убеждений о настоящем и будущем конфликта [9]. Данная модель была предложена Дэниэлем Бар-Талем. Он предлагает определять этос через восемь социальных убеждений – когнитивных структур, отражающих различные аспекты жизни общества и разделяемых всеми его членами. Это социальные убеждения, легитимизирующие и оправды-

вающие групповые цели; социальные убеждения о безопасности; социальные убеждения о положительном образе своей группы; социальные убеждения о виктимизации своей группы; социальные убеждения, делегитимирующие группу-оппонента; социальные убеждения о патриотизме, о единстве и о мире [8,9].

Коллективная память о конфликте определяется как нарратив о прошлом конфликта, доминирующий в общественном дискурсе и закрепляющий определенное видение прошлых событий [8,20]. В коллективной памяти о конфликте выделяется несколько основополагающих характеристик. Во-первых, она отражает не объективную историю конфликта, а основанную на потребностях общества, что делает ее предвзятой и искаженной. Некоторые факты опускаются, другие добавляются, меняется порядок изложения событий, а их интерпретация начинает зависеть от целей группы. Во-вторых, она разделяется всеми членами общества и часто становится доминирующим нарративом в медийном и общественном дискурсе, на официальном уровне закрепляя определенное видение событий прошлого. В-третьих, важной характеристикой коллективной памяти является избирательное включение отдельных фрагментов одних и тех же исторических событий группами-оппонентами. Кроме того, коллективная память играет важную роль в формировании этоса конфликта, выполняя четыре функции: она оправдывает начало конфликта и его дальнейшее развитие; позволяет поддерживать позитивный образ своей группы; делегитимирует противоборствующую сторону, что препятствует возможному урегулированию конфликта; позволяет представить собственную группу как «жертву» [20].

Коллективные эмоции в рамках трудноразрешимого конфликта выражаются в ориентации на преувеличение определенной эмоции [13]. Классификация коллективных эмоциональных ориентаций в трудноразрешимом конфликте опирается на классификацию преобладающих в конфликте эмоций, предложенную Э. Линднер Исследовательница утверждает, что в любом конфликте могут преобладать такие эмоции, как страх, гнев и ненависть, чувства унижения, вины и надежды (вернее, ее отсутствия) [18]. Израильский исследователь Э. Гальперин перенес эту классификацию на уровень больших социальных групп и анализирует не просто эмоции, а эмоциональные ориентации [13,14,15]. Согласно Гальперину, эмоциональная ориентация в конфликте приводится в действие доминирующими нарративами и социальными убеждениями, связанными с конфликтом (коллективной памятью и этосом конфликта). Так, убеждение в том, что конфликт неразрешим, воплощается в эмоциональном климате безысходности, а убеждения, делегитимирующие чужую группу, определяют эмоциональную ориентацию ненависти [14,16,17,25]. Важно отметить, что определенная эмоциональная ориентация закрепляется в процессе социализации и становится доминирующей эмоциональной культурой [13].

Несмотря на довольно хорошую разработанность описанных выше подходов, обе модели имеют ряд недостатков. В частности, опускается несколько важных для понимания природы трудноразрешимого конфликта вопросов, а именно взаимодействие исследуемых в израильском подходе структур с общественным дискурсом и их вклад в конструирование образа конфликта. Что касается недостатков американского направления, то оно лишь предлагает несколько методологических рамок для исследования конфликта, но не предлагает четко операционализированных концептов, в отличие от израильского подхода. В нашем исследовании мы попытались интегрировать наработки обоих подходов в единый методологический базис. В частности, в данном исследовании мы используем идеи конструкционистского подхода и применяем его для изучения конструирования образа трудноразрешимого конфликта через обращение к этосу конфликта.

Цель исследования

Анализ способов конструирования образа трудноразрешимого конфликта в дискурсе российских СМИ через обращение к темам этоса.

В качестве объекта исследования выступил образ трудноразрешимого конфликта. Для конкретизации объекта исследования, мы выделили в нем структурные компоненты: образы сторон кон-

фликта и атрибуции в восприятии причин конфликта. В качестве эмпирического объекта исследования был выбран Украинский конфликт в период с апреля 2014 года по конец декабря 2017 года. Данный период был выбран, поскольку был ознаменован несколькими эскалациями конфликта, что стало центром общественных дискуссий и (в то время) центральной темой в российских СМИ. В качестве предмета данного исследования выступало конструирование образа трудноразрешимого конфликта в дискурсе российских СМИ. Выборку составили 32 статьи российских печатных и интернет-изданий, относящихся к вышеуказанному периоду конфликта: rbc.ru, regnum.ru, ng.ru, ria.ru, сайта lenta.ru, сайта печатного издания «Российская газета» (rg.ru); материалы блогов с сайтов d3.ru, livejournal.ru. В связи с тем, что в выборку вошли как официальные медийные источники, так и материалы авторских блогов, различающиеся степенью формальности и подчинения нормам, в анализе мы выделили в рамках дискурса СМИ новостной дискурс и дискурс блогосферы. Поскольку материал, касающийся данного события, в сети Интернет присутствовал в избытке, мы использовали критерий достаточности – сообщения из разных источников анализировались до тех пор, пока получаемые в результате анализа данные не начали повторяться, не привнося никаких содержательных изменений в выводы.

Метод исследования

В качестве основного метода исследования использовался дискурс-анализ в традиции Дж. Поттера – М. Уэзерелл [21]. Процедура дискурс-анализа осуществлялась по плану, предложенному Д.А. Хорошиловым:

1. Первичный анализ данных. Первичный анализ заключается в кратком изложении основных тем текста и предварительном формулировании гипотез о том, какой образ действительности рисует данный текст.

2. Выделение основной темы. Данный этап анализа предполагает работу с каждым предложением текста или, если это излишне, с каждой логической единицей текста, в которой выделяется основная тема повествования, с сохранением используемого языка и стилистических средств.

3. Анализ риторических средств. Этот этап анализа подразумевает выделение и экспликацию основных риторических средств, используемых в тексте для конструирования образа социального мира. Риторические средства – это языковые средства: метафоры, фигуры речи и так называемые «ярлыки» [5].

4. Определение интерпретативных репертуаров и их социально-психологических функций. На данном этапе анализа в тексте выделяются и эксплицируются интерпретативные репертуары, используемые в данном тексте.

5. Определение социального порядка, задаваемого интерпретативными репертуарами. На данном этапе определяется, какой социальный факт, или какой социальный порядок задают используемые в тексте риторические средства, что является и завершающим этапом дискурс-анализа.

Для целей нашего исследования процедура была модифицирована и помимо анализа риторических средств и социальных фактов, конструируемых в текстах, мы также анализировали темы этоса, представленные в виде социальных убеждений о данном конфликте, описанных выше.

Описание и обсуждение результатов исследования

В результате проведенного анализа, нам удалось выявить особенности конструирования образа трудноразрешимого конфликта в дискурсе средств массовой информации. Перед тем, как перейти непосредственно к описанию полученных результатов, необходимо отметить, что источники, составившие выборку, разделились по критерию позиции по отношению к данному конфликту. Во-первых, это источники, поддерживающие конфликтный этос: данная позиция выражается в виде неявной поддержки одной из сторон конфликта и конструируется обращением к темам этоса: резкое противопоставление сторон, делегитимизация действий одной из сторон и оправдание другой, делегитимизация и виктимизация участников конфликта. Во-вторых, это ис-

точники, в которых конструируется альтернативная позиция, относительно конфликта: иное позиционирование сторон, иное позиционирование самого конфликта и его причин. Рассмотрим данные позиции более подробно, обратившись к детальному разбору конструирования образа трудноразрешимого конфликта в новостном дискурсе и дискурсе блогосферы. Также, поскольку в большей степени нас интересовал новостной дискурс, мы проанализировали его более подробно, разделив анализ на два периода: 1) 2014-2015 гг; 2) 2016-2017 гг.

Особенностью образов сторон конфликта, конструируемых в новостном дискурсе за первый период анализа, стало их резкое противопоставление: образ официальных властей Украины конструировался как образ оппонента: при помощи особых «ярлыков» актуализировался негативный стереотип этой стороны как «агрессора», тогда как образ представителей юго-восточных регионов, напротив, конструировался как положительный. Так, в источниках, неявно поддерживающих сторону юго-востока Украины, при описании сторон конфликта чаще всего использовались такие «ярлыки», как «каратели», «силовики», «агрессор», «боевики» по отношению к представителям стороны официальных властей Украины и такие, как «ополченцы», «силы ДНР», «защитники» по отношению к представителям юго-востока Украины. Данные источники используют для позиционирования сторон «ярлыки» с негативной коннотацией, подчеркивающие агрессивность украинской стороны. Например, «ярлык» «силовики» актуализирует образ представителей военных структур, которые используют силовые методы в процессе конфликта. «Ярлыки» «агрессор» и «каратели» подчеркивает так называемый «злой умысел» стороны, позиционируя ее действия как намеренную агрессию. Этот образ подкрепляют и такие слова как «агрессия» и «провокация», относящиеся непосредственно к позиционированию действий украинской стороны и подчеркивающие их намеренность. Наконец, «ярлык» «боевики» актуализирует восприятие действий украинской стороны как преступные, нелегитимные, в связи с тем, что данный «ярлык» уже закрепился в медиа, как обозначение преступных элементов, относящихся к различным экстремистским группировкам. Источники, в неявной форме поддерживающие сторону официальных властей Украины использовали для описания представителей юго-востока Украины либо такие «ярлыки» как, например, «сепаратисты», либо такие же «ярлыки», как и источники, неявно поддерживающие сторону юго-востока, как например, «ополченцы». Для описания представителей стороны официальных властей Украины, данные источники использовали либо «ярлык» «силовики», либо обозначали их как «военных».

Второй период анализа был отмечен несколькими особенностями, отличающими конструирование образов сторон конфликта. Во-первых, уменьшился репертуар используемых «ярлыков»: наиболее часто используемы ярлыками во всех источниках оказались такие, как «силовики» для описания украинской стороны, и «ополченцы» для описания стороны представителей самопровозглашенных республик юго-востока Украины. В источниках, относящихся к данному периоду, также встречались такие «ярлыки» как «боевики», «сепаратисты», «патриоты», «нацисты», однако низкая частота их встречаемости не позволяет говорить о тенденции. Можно предположить, что в данный период в СМИ уже сложился определенный «язык», для описания темы конфликта, что объясняет уменьшение репертуара ярлыков. Кроме того, важно отметить, что использование этих двух «ярлыков» также поддерживает этос конфликта, задавая упрощенное, дихотомическое восприятие сторон. Второй особенностью конструирования образов сторон конфликта в данный период стало менее явное разделение источников по критерию позиции относительно конфликта. В большей части проанализированных источников стороны конфликта конструировались через вышеуказанные ярлыки, что может говорить о формировании некоторого единого видения данного конфликта в СМИ.

Что касается дискурса блогосферы, то в нем наблюдалась иная картина: во-первых, в качестве сторон конфликта рассматриваются не представители официальных властей Украины и самопровозглашенные республики, а Украина и Россия, действующие через подконтрольные им группы, что кроме того, может свидетельствовать о наличии «атрибуции заговора» в данном дискурсе. Так же как и в новостном дискурсе, используются «ярлыки», однако в несколько

меньшем количестве, и отличающиеся от используемых в медиа-дискурсе: «сепаратисты» и «ватники» по отношению к стороне юго-востока в источниках, поддерживающих официальные власти Украины, и «укры», «укропы» по отношению к украинской стороне в источниках, поддерживающих сторону юго-востока Украины. Нельзя также не отметить различие в используемых «ярлыках» в сравнении с новостным дискурсом: для описания сторон используются жаргонизмы, смысл которых может быть понятен только той группе, в активный лексикон которой входят данные слова, что может свидетельствовать о попытке обособления представляемой в данных текстах позиции от представленной в новостном дискурсе. Также необходимо отметить, что, несмотря на различия, данные жаргонизмы конструируют в равной степени негативные образы сторон, что в определенном смысле уравнивает участников конфликта, но при этом и отстраняет авторов текстов от них.

Переходя к вопросу атрибуций причин действий сторон, необходимо отметить, что в новостном дискурсе обоих периодов при позиционировании действий сторон всячески подчеркивалась активность и намеренность действий украинской стороны, тогда как действия представителей юго-востока позиционировались как «ответ» на «агрессию», что вероятно, имело своей целью легитимизировать действия представителей юго-востока, представить их как справедливые и верные. В дискурсе блогосферы и в некоторых новостных источниках действия обеих сторон конфликта позиционируются как активные и намеренные, что в свою очередь уравнивает стороны, приписывает им ответственность за продолжение конфликта в равной степени. Так, например, новостные источники, поддерживающие представителей самопровозглашенных республик, позиционировали конфликтные действия следующим образом: «украинская армия начала...обстрел», «...украинский агрессор продолжил обстрелы ...», «Киев сделал ставку на уничтожение донецких и луганских политиков», тогда как источники, поддерживающие официальные власти, позиционировали действия как: «...ополченцы атаковали ...», «...украинские силовики продолжали обстреливать...», «стороны конфликта обвиняют друг друга». В дискурсе блогосферы конфликтные действия позиционировались образом схожим с новостными источниками, поддерживающими официальные власти Украины, однако менее формальным и более экспрессивным языком: «И вот попробуйте кто-нибудь теперь мне доказать, что это ВСУ начали войну на Донбассе, ага, шаз». «Их [жителей Донецка] надо заставить любить новую киевскую власть, заставить даже путём уничтожения детей в школе огнём артиллерии украинской армии». Таким образом, при описании позиционировании действий сторон, украинской стороне приписывались, прежде всего, внутренние причины действий, тогда как представителям юго-востока – внешние. Важно отметить, что такая картина относительно конструирования образов сторон наблюдалась во всех источниках, поддерживающих сторону юго-восточных регионов, и в части источников, поддерживающих официальные власти Украины. В части источников, поддерживающих официальные власти Украины, наблюдалась попытка делегитимизации действий представителей юго-востока, а также уравнивание ответственности сторон за военные действия, что, вероятно, имело своей целью представить источники как объективные и достоверные для формирования альтернативного взгляда на конфликт.

Переходя к вопросу о конструировании причин самого конфликта, необходимо отметить, что в новостном дискурсе (главным образом в источниках, поддерживающих представителей юго-востока Украины), описание причин конфликта было гораздо более экспрессивным и включало в себя атрибуты заговора: «с целью уничтожения национальной группы русскоязычного населения, проживающего на территории самопровозглашенной Донецкой народной республики». В дискурсе блогосферы причины конфликта в самом общем виде могут быть реконструированы как «борьба за власть». В качестве более частных причин можно выделить: «борьба за власть «олигархических кланов», «возвращение Украины на орбиту Кремля», «желание «сепаратистов» стать независимым анклавом в составе Украины». Можно говорить о том, что причины конфликта в дискурсе блогосферы рассматриваются скорее как внутренние,

то есть мотивированные собственными целями и интересами сторон, что также решает задачу уравнивания сторон конфликта, подчеркивания геополитического контекста, в котором развивается конфликт.

В целом, на основании полученных результатов, мы можем говорить о том, что в дискурсе российских СМИ две позиции, относительно данного конфликта:

1. Доминирующая позиция: представлена источниками, поддерживающими сторону юго-восточных регионов Украины и частью источников, поддерживающих официальные власти Украины в новостном дискурсе за оба периода. Поддерживает конфликтный этос, путем обращения к темам позиционирования сторон в оппозициях “жертва-агрессор” и позиционирования действий сторон как легитимные или нелегитимные. Рассматривает действия официальных властей Украины как несправедливые, и даже преступные, в качестве причины действий называется намерение уничтожить русскоязычное население в юго-восточных регионах. Действия юго-восточной стороны рассматриваются как вынужденный ответ на внешнюю агрессию, как справедливые в сложившейся ситуации. Мы можем утверждать, что данный дискурс является доминирующим в связи с его институциональностью (он конструируется официальными СМИ, транслирующими общую идеологию).

2. Альтернативные позиции: представлены частью источников, поддерживающих официальные власти Украины в новостном дискурсе за оба периода и дискурсе блогосферы. В новостном дискурсе альтернативная позиция заключается в делегитимизации действий стороны юго-востока через позиционирование их как «сепаратистов», а также приписыванием ответственности за военные действия обеим сторонам в равной степени. В дискурсе блогосферы, альтернативная позиция представлена иным видением сторон конфликта и наличием атрибуции заговора: в качестве сторон рассматриваются Украина и Россия, использующие для достижения своих целей подконтрольные им группы.

Выводы

По итогам анализа были получены следующие результаты.

1. Присутствуют различия в способах конструирования образа трудноразрешимого конфликта в российских СМИ.

2. В дискурсе российских СМИ присутствуют обращения к структурам этоса конфликта, однако только в новостном дискурсе, тогда как дискурс блогосферы не поддерживает конфликтный этос.

3. Среди тем этоса преобладают темы делегитимизации действий одной из групп-оппонентов, виктимизации одной из групп, поддержания положительного образа и легитимизации действий одной из групп.

4. В текстах за первый период анализа отмечается более частое обращение к альтернативным позициям касательно конфликта, тогда как в текстах за второй период преобладает единая позиция.

5. Альтернативные позиции касательно конфликта, несмотря на использование схожих риторических средств, конструируют противостоящее доминирующему видению конфликта, не поддерживающее этос конфликта.

Заключение

Подводя итог, можно отметить, что полученные результаты, с одной стороны, вписываются в обе традиции изучения трудноразрешимых конфликтов, а с другой – задают новые вопросы и открывают возможности для новых исследований «на стыке методологий». Наличие в дискурсе средств массовой информации доминирующей позиции относительно конфликта, опирающейся на поддержание этоса конфликта и задающей контекст интерпретации конфликта как трудноразрешимого, согласуется с разработками израильского направления и с конструкционистским подходом к изучению трудноразрешимых конфликтов. Однако наличие альтернативных позиций, не поддерживающих конфликтный контекст, хотя и утверждается в данных

подходах, но практически не изучается. Кроме того, как показало наше исследование, в дискурсе СМИ вокруг конфликта со временем начинает превалировать единая позиция относительно конфликта, тогда как на начальном периоде отмечается присутствие нескольких позиций. С нашей точки зрения дальнейшие более подробные исследования формирования доминирующего образа конфликта и альтернативных дискурсов вокруг него позволит углубить понимание природы трудноразрешимого конфликта.

Литература:

1. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 344 с.
2. Гришина Н.В. Психология конфликта. 3-е изд. СПб.: Питер, 2015. 576 с.
3. Голыничик Е.О. Коллективные переживания трудноразрешимых социальных конфликтов / Коллективные переживания социальных проблем // под ред. Т.Г. Стефаненко, С.А. Липатова. М.: Смысл, 2015, с. 117-149.
4. Кэмпбелл Д. Реалистическая теория конфликта / Хрестоматия по психологии конфликта. Сост. и общая редакция Н. В. Гришиной. СПб.: Питер, 2001. 448 с.
5. Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр» (О.В. Гритчина), 2013. 264 с.
6. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2014. 352 с.
7. Bar-Tal D. From Intractable Conflict Through Conflict Resolution to Reconciliation: Psychological Analysis. *Political Psychology*, 2000. Vol. 21, No. 2, p. 351-365.
8. Bar-Tal D. Sociopsychological Foundations of Intractable Conflicts/*American Behavioral Scientist*, 2007 – Vol. 50, No. 11 – p. 1430-1453.
9. Bar-Tal D., Halperin E., Sharvit K., Zafraan A. Ethos of Conflict: The Concept and Its Measurement. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 2012, Vol. 18, No. 1, p. 40–61.
10. Cohrs J.C., Ulug O. M., Stahel L., Kışhoğlu R. Ethos of Conflict and Beyond: Differentiating Social Representations of Conflict/ *The Social Psychology of Intractable Conflicts*. Ed. by E. Halperin, K. Sharvit. Cham: Springer, 2015, p. 33-47.
11. Coleman P. T. Intractable conflict/ *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice*. Ed. by P.T. Coleman, M. Deutsch, E.C. Marcus. 3rd edition. San Francisco: Jossey-Bass, 2014, Kindle Edition.
12. Fisher R.J. Intergroup conflict / *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice*. Ed. by P.T. Coleman, M. Deutsch, E.C. Marcus. 3rd edition. San Francisco: Jossey-Bass, 2014, Kindle Edition.
13. Halperin E. Collective emotions and emotion regulation in intractable conflicts. *Collective Emotions. Perspectives from Psychology, Philosophy, and Sociology*. Ed. by Ch.von Scheve, M. Salmela. New York: Oxford University Press, 2014. Kindle Edition.
14. Halperin E., Gross J.J. Intergroup anger in intractable conflict: Long-term sentiments predict anger responses during the Gaza War. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2010. Vol. 14, No. 4, p. 477-488.
15. Halperin E., Pliskin R. Emotions and Emotion Regulation in Intractable Conflict: Studying Emotional Processes within a Unique Context/ *Advances in Political Psychology*, 2015. Vol. 36, Suppl. 1, p. 119-150.
16. Kamans E., van Zomeren M., Gordijn E.H., Postmes T. Communicating the right emotion makes violence seem less wrong: Power-congruent emotions lead outsiders to legitimize violence of powerless and powerful groups in intractable conflict/ *Group Processes & Intergroup Relations*, 2014. Vol. 17(3), p. 286-305.

17. Kelman H.C. The role of national identity in conflict resolution: Experiences from Israeli-Palestinian problem-solving workshops / Social identity, intergroup conflict, and conflict reduction. Ed. by R.D. Ashmore, L. Jussim, & D. Wilder, New York: Oxford University Press, 2001, pp. 187-212.

18. Lindner E.G. Emotion and conflict / The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice. Ed. by P.T. Coleman, M. Deutsch, E.C. Marcus. 3rd edition. San Francisco: Jossey-Bass, 2014, Kindle Edition.

19. Oren N., Bar-Tal D., David O. Conflict, Identity, and Ethos: The Israeli-Palestinian Case/ The Psychology of Ethnic and Cultural Conflict. Ed. by Y. T. Lee, C. McCauley, F. Moghaddam, & S. Worchel. 1st edition. Santa Barbara: Praeger, 2004, p. 133-155.

20. Paez D., Lui J. H. The Collective Remembering of Conflict and Its Role in Fueling an Ethos of Conflict in Society/ The Social Psychology of Intractable Conflicts. Ed. by E. Halperin, K. Sharvit. Cham: Springer, 2015, p. 61-75.

21. Potter J. Discourse analysis and constructionist approaches: theoretical background // Handbook of qualitative research methods for psychology and the social sciences. Ed. by J.T.H. Richardson. Leicester: BPS Blackwell, 1996, p. 125-140.

22. Ricigliano R. Making Peace Last: A Toolbox for Sustainable Peacebuilding. 1st edition. Abingdon; Routledge, 2012, 288 p.

23. Varshney A. Ethnic Conflict and Civic Life: Hindus and Muslims in India. 2nd Revised edition. New Haven: Yale University Press, 2003, 400 p.

24. Volkan V.D. The Tree Model: Psychopolitical Dialogues and the Promotion of Coexistence/ The Handbook of Interethnic Coexistence. Ed by E. Weiner, New York: Continuum Intl Pub Group, 1998, pp. 343-358

25. Wohl M.J.A., Porat R., Halperin E. Unfreezing cognitions during an intractable conflict: Does an external incentive for negotiating peace and (low levels of) collective angst increase information seeking? British Journal of Social Psychology, 2016. Vol. 55, p. 65-87.

Потанина Анна Михайловна. E-mail: a.m.potan@gmail.com

Дата поступления 19.05.2018

Дата принятия к публикации 10.07.2018

AN IMAGE OF AN INTRACTABLE INTERGROUP CONFLICT IN THE RUSSIAN MEDIA

DOI: 10.25629/HC.2018.07.09

POTANINA A.M.

Moscow state University named after M. V. Lomonosov. Moscow

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the image of an intractable intergroup conflict in the discourse of the Russian media in 2014-2017. The beginning of the article considers the definition and characteristics of the phenomenon of intractable conflict. The article analyzes two directions of the intractable conflict research: American and Israeli. The American direction considers five approaches to studying and working with intractable conflicts: the realist approach, the "human relations" approach, the pathology approach, the constructionist (postmodern) approach, the systems approach. The Israeli direction is analyzed through the areas of phenomenon research that the representatives of the approach identify: ethos of a conflict, collective memory of a conflict, collective emotions. The ideas of the constructionist approach were the methodological basis of this study. The goal of the study was to analyze ways of constructing an image of an intractable conflict in the discourse of the Russian media by addressing the ethos of the conflict. Results of the research revealed that the image of an intractable conflict in the Russian media is constructed by addressing

the topics of delegitimization of the group, participated in the conflict, victimization of the group, participated in the conflict, as well as maintaining a positive image and legitimizing the actions of the group, participated in the conflict. Furthermore, the results revealed various discursive positions about conflict. The article concludes with the further research prospects on this topic.

Keywords: intergroup conflict, intractable conflict, image of a conflict, ethos of a conflict, collective memory of a conflict, collective emotions, media discourse

References:

1. Van Dejk T. *Diskurs i vlast': Reprezentacija dominirovanija v jazyke i komunikaciji* [Discourse and power: Representation of domination in language and communication]. Moscow: Knizhnyj dom "LIBROKOM", 2014, 344 p.

2. Grishina N.V. *Psihologija konflikta* [Psychology of conflict]. 3-e izd. Saint Petersburg: Piter, 2015, 576 p.

3. Golynchik E.O. Kollektivnye perezhivaniya trudnorazreshimyh social'nyh konfliktov [Collective experiences of intractable social conflicts]. *Kollektivnye perezhivaniya social'nyh problem [Collective experiences of social problems]*. In T.G. Stefanenko, S.A. Lipatova (eds.). Moscow: Smysl, 2015, pp. 117-149.

4. Kjempebell D. Realisticheskaja teorija konflikta [Realistic theory of conflict]. *Hrestomatija po psihologii konflikta [Reader on the psychology of conflict]*. In N. V. Grishina (ed). Saint Petersburg: Piter, 2001, 448 p.

5. Matison D. *Media-diskurs. Analiz media-tekstov* [Media Discourse. Analysis of media texts]. Kharkiv: Gumanitarnyj centr Publ., 2013, 264 p.

6. Stefanenko T.G. *Jetnopsihologija* [Ethnopsychology]. 5-e izd. Moscow: Aspekt Press, 2014, 352 p.

7. Bar-Tal D. From Intractable Conflict Through Conflict Resolution to Reconciliation: Psychological Analysis. *Political Psychology*, 2000. Vol. 21, No. 2, p. 351-365.

8. Bar-Tal D. Sociopsychological Foundations of Intractable Conflicts. *American Behavioral Scientist*, 2007 – Vol. 50, No. 11 – p. 1430-1453.

9. Bar-Tal D., Halperin E., Sharvit K., Zafran A. Ethos of Conflict: The Concept and Its Measurement. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 2012, Vol. 18, No. 1, p. 40–61.

10. Cohrs J.C., Ulug O. M., Stahel L., Kişoğlu R. Ethos of Conflict and Beyond: Differentiating Social Representations of Conflict/ *The Social Psychology of Intractable Conflicts*. Ed. by E. Halperin, K. Sharvit. Cham: Springer, 2015, p. 33-47.

11. Coleman P. T. Intractable conflict/ *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice*. Ed. by P.T. Coleman, M. Deutsch, E.C. Marcus. 3rd edition. San Francisco: Jossey-Bass, 2014, Kindle Edition.

12. Fisher R.J. Intergroup conflict / *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice*. Ed. by P.T. Coleman, M. Deutsch, E.C. Marcus. 3rd edition. San Francisco: Jossey-Bass, 2014, Kindle Edition.

13. Halperin E. Collective emotions and emotion regulation in intractable conflicts. *Collective Emotions. Perspectives from Psychology, Philosophy, and Sociology*. Ed. by Ch.von Scheve, M. Salmela. New York: Oxford University Press, 2014. Kindle Edition.

14. Halperin E., Gross J.J. Intergroup anger in intractable conflict: Long-term sentiments predict anger responses during the Gaza War. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2010. Vol. 14, No. 4, p. 477-488.

15. Halperin E., Pliskin R. Emotions and Emotion Regulation in Intractable Conflict: Studying Emotional Processes within a Unique Context/ *Advances in Political Psychology*, 2015. Vol. 36, Suppl. 1, p. 119-150.

16. Kamans E., van Zomeren M., Gordijn E.H., Postmes T. Communicating the right emotion makes violence seem less wrong: Power-congruent emotions lead outsiders to legitimize violence of powerless and powerful groups in intractable conflict/ *Group Processes & Intergroup Relations*, 2014. Vol. 17(3), p. 286-305.
17. Kelman H.C. The role of national identity in conflict resolution: Experiences from Israeli-Palestinian problem-solving workshops / *Social identity, intergroup conflict, and conflict reduction*. Ed. by R.D. Ashmore, L. Jussim, & D. Wilder, New York: Oxford University Press, 2001, pp. 187-212.
18. Lindner E.G. Emotion and conflict / *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice*. Ed. by P.T. Coleman, M. Deutsch, E.C. Marcus. 3rd edition. San Francisco: Jossey-Bass, 2014, Kindle Edition.
19. Oren N., Bar-Tal D., David O. Conflict, Identity, and Ethos: The Israeli-Palestinian Case/ *The Psychology of Ethnic and Cultural Conflict*. Ed. by Y. T. Lee, C. McCauley, F. Moghaddam, & S. Worchel. 1st edition. Santa Barbara: Praeger, 2004, p. 133-155.
20. Paez D., Lui J. H. The Collective Remembering of Conflict and Its Role in Fueling an Ethos of Conflict in Society/ *The Social Psychology of Intractable Conflicts*. Ed. by E. Halperin, K. Sharvit. Cham: Springer, 2015, p. 61-75.
21. Potter J. Discourse analysis and constructionist approaches: theoretical background // *Handbook of qualitative research methods for psychology and the social sciences*. Ed. by J.T.H. Richardson. Leicester: BPS Blackwell, 1996, p. 125-140.
22. Ricigliano R. Making Peace Last: A Toolbox for Sustainable Peacebuilding. 1st edition. Abingdon; Routledge, 2012, 288 p.
23. Varshney A. Ethnic Conflict and Civic Life: Hindus and Muslims in India. 2nd Revised edition. New Haven: Yale University Press, 2003, 400 p.
24. Volkan V.D. The Tree Model: Psychopolitical Dialogues and the Promotion of Coexistence/ *The Handbook of Interethnic Coexistence*. Ed by E. Weiner, New York: Continuum Intl Pub Group, 1998, pp. 343–358
25. Wohl M.J.A., Porat R., Halperin E. Unfreezing cognitions during an intractable conflict: Does an external incentive for negotiating peace and (low levels of) collective angst increase information seeking? *British Journal of Social Psychology*, 2016. Vol. 55, p. 65–87.

Potanina Anna Mikhailovna. E-mail: a.m.potan@gmail.com

Date of receipt 19.05.2018

Date of acceptance 10.07.2018